

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.258

Н.В. Поправко

СИСТЕМНАЯ ТЕОРИЯ Н. ЛУМАНА:
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЙ

Предпринята попытка на основе анализа основных положений теории радикального функционализма Н. Лумана представить возможные пути их операционализации в рамках построения модели программы прикладных исследований в области социологии политики.

Замысел предлагаемой статьи навеян как ситуацией, сложившейся в современной социологической теории, так и традицией прикладных социально-политических исследований. Я сознательно ступаю краски не с “прокурорской” целью драматизировать реально сложившуюся в исследовательской практике ситуацию, но лишь желая максимально акцентировать проблему. Не вдаваясь в подробности, можно заключить, что наличную ситуацию с полным правом можно сравнить с образом телеги, поставленной впереди лошади, как минимум в двух смыслах. Во-первых, в смысле опережающего развития прикладных изысканий в области социологии для политиков в силу оформившихся и возобновляющихся практических нужд, формирования устойчивого рынка, осознания политиками информационного и рекламного потенциала социологии и др. Во-вторых, потому, что необходимые теоретические посылки и обобщения если не индуцируются напрямую из полученных в конкретных случаях практических результатов, то, во всяком случае, практически не артикулируются. Признавая относительную автономию теоретических и прикладных штудий, нельзя не заметить, что подобная традиция объективно делает теоретико-методологической базой многих прикладных исследований завуалированный или нерелевантный здравый смысл.

Иными словами, забываются вполне достойные памяти и ставшие аксиоматичными принципы построения научного знания М. Вебера, а именно: адекватности интеллектуальной интуиции и адекватности нашему номологическому знанию [1]. В реальности же во многих программах социально-политических исследований практически отсутствует “сверхзадача”, реализация которой предполагает, как минимум, рефлексию на предмет теоретико-методологической (а не только методической) фундированности исследования, а также интенцию на собственно научный (а не только практический) результат последнего. Проблема усугубляется также объективной динамикой политического поля, требующей серьезного осмысления и переосмысления таких ключевых понятий, как социальная система, политическая система, власть и др. Попытка обозначить возможные пути выхода из описанной ситуации путем операционально-содержательной интерпретации некоторых понятий системной теории Никласа Лумана и является целью данной работы.

Одной из главных новаций Лумана следует назвать отход от автаркической трактовки общества (социальной системы), когда последняя включает в себя экономическую, социальную и другие системные образования в качестве составляющих общественное целое подсистем. Для Лумана общество является системой, рядоположенной всем остальным социальным системам, которые одновременно представляются – потенциально и актуально – внешней средой общества, при этом весьма далекой от любой хаотичности и случайности. В нашем случае, т.е. применительно к области псефологии, это означает, по мнению Н. Лумана, отказ от сложившегося понимания политического как альтернативы естественному состоянию, как сферы собственно человеческого существования или как экономически обусловленной целостности [2]. В новом значении общество приобретает автономию по отношению (в частности) к политической системе, что позволяет – вполне в духе принятого разделения на систему и жизненный мир и в то же время особым образом – объяснять то, что обычно называют “нерациональным” поведением избирателей в поле политики, а также феномены политической инфляции и дефляции. В свете сказанного введенное Луманом понятие комплексности означает два существенных момента.

Во-первых, перевод проблемы тождества системы в сферу дискурса, где, собственно, и конституируется система. Другими словами, через *самонаблюдение* и *самоописание* (“аутопойесис”) система обозначает собственное содержание, границы и структуру [3]. Постулируемый тем самым эмерджентный характер системобразования позволяет изначально расширить горизонт проблемного поля исследования и избежать традиционного презентизма при моделировании структуры электоральных предпочтений. Последняя, как правило, привязывается к объективистски трактуемым детерминантам, прежде всего – социально-демографическим характеристикам респондентов. В этом случае элиминируются такие существенные факторы влияния на выбор, как эмоционально-оценочный компонент и особенности механизмов категоризации в целом, фактор дальности-близости, культурно-стилевые параметры электорального поведения и многое другое. Однако речь не идет только о возможном и необходимом при программировании исследования переходе от социально-

классовой парадигмы к жизненно-стилевой; лумановская интерпретация – и в этом ее особенность – позволяет осуществить анализ ксенофобических параметров электоральных предпочтений, механизмов легитимации насилия, степени алармизма, наконец, модусы референции опрашиваемых, как в контексте конкретного семантического поля, так и в контексте субъективных атрибуций. В этой связи становится очевидной не только теоретическая, но и операциональная значимость предлагаемых немецким социологом механизмов аутопойесиса. К примеру, использование дихотомий *тавтологического* и *парадоксального, семантического* и *структурного* может оказать неоценимую услугу для выявления ключевых индексичных высказываний, основных бинарных оппозиций, жизненномырных регионов, в границах которых формируется и осуществляется политический дискурс.

Во-вторых, принципиально важным для исследовательской практики в области псефологии представляется осмысление вводимых Н. Луманом понятий *избирательности* и *контингентности* [4]. Здесь речь идет о том, что система общества сама выбирает себе окружение; более того, именно через конституирование пограничных системных образований она только и осуществляет самоотождествление. При этом указанная избирательная активность признается Луманом и за системами-окружением. В результате системное поле предстает океаном флуктуаций системных *включений-исключений*, динамичного процесса изменения границ и содержаний систем.

Поясним это на примере. Отдельные группы избирателей относительно властных структур могут проводить разделение по линии регионализма (“центральная власть тормозит развитие на местах”) или принадлежности к клану (“депутат-медик поможет нам, медицинским работникам”); оценочных суждений (аморализм власти) или рационального обоснования (“объективно можно рассчитывать только на...”). Указанное разделение может базироваться на позитивной (“мы хотим”) или негативистской (“мы не хотим”) интенциях; на персоналистическом (личная привлекательность конкретной

персоны) или формальном (привлекательность программы) принципах. Понятно, что указанные границы всегда подвижны, текучи, укоренены в языке и не зависят напрямую от устойчивых статусных позиций, корреляция с которыми осуществляется “по случаю”. Как видим, подобная трактовка существенно расширяет наши возможности, она включает в проблемный горизонт микрологический аспект: ситуативные особенности, такие важные характеристики микросоциальных контактных групп, как объем, степень открытости, глубина дифференциации и иерархизации, принятый характер нормативности и другие [5].

Вместе с тем указанная трактовка позволяет по-новому подойти к феномену социального действия, которое рассматривается не в традиционном веберовском “векторном” значении, как субъективная направленность в модусе калькуляции успеха [6], но в контексте атрибуции, т.е. в подлинно коммуникативном значении [7]. Только такой подход способен помочь содержательно анализировать, к примеру, феномен слухов, не ограничиваясь лишь констатацией их роли в формировании электоральных предпочтений. Только такой подход может позволить оценить реальную степень влияния социально-демографических характеристик на источники, характер и направленность политического выбора с учетом опосредованности указанного влияния в целом и колебаний его интенсивности в каждой конкретной ситуации. В широком значении описанный подход открывает возможности более корректного сочетания различных методик в практике псефологических исследований, в частности опросных методик, построения семантических рядов, контент-анализа и др.

Все сказанное не является апологетикой единственного теоретического конструкта в противовес другим. В конце концов выбор методологии диктуется наличной проблематикой и в этом смысле чужд всякого теоретического фундаментализма. Хочется лишь еще раз отметить саму необходимость теоретического обоснования, рефлексии по поводу онтологических и методологических оснований программы исследования как его необходимого компонента и этапа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. “Объективность” социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
2. Luhmann N. Soziologie als Theorie sozialer Systeme. Gesellschaft // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Aufsätze zur Theorie sozialer Systeme. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991. S. 113–153.
3. Luhmann N. Soziologie des politischen Systems // Luhmann N. Soziologische Aufklärung. Aufsätze zur Theorie sozialer Systeme. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991. S. 154–177.
4. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социологос. Вып. 1. М., 1991. С. 194–218.
5. Мертон Р. Референтная группа и социальная структура: Сб. статей. М.: Институт молодежи, 1991. 260 с.
6. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 495–546.
7. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1994. С. 25–42.

Статья представлена кафедрой социологии философского факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 9 октября 1998 г.